

УДК 340+37.035.4+(316.3)

О.В. Денисова, канд. филос. наук

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, Севастополь, Украина 99053

E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua

ФИЛОСОФИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ

Рассматриваются некоторые социально-философские, философско-правовые аспекты проблемы «консолидации демократии» (Ф. Шмиттер) на примере модели гражданского общества как необходимой социальной основы политики правового государства и в связи с социально-политическими процессами в Украине.

Заявленная тема – логическое продолжение авторского исследования философских оснований теории гражданского общества, правового государства. В статье «Проблема формирования политико-правовой культуры нации в свете теории гражданского общества» были выявлены исходные принципы становления политико-правовой культуры нации в контексте общей проблематики теории государства и права, акцентированы некоторые культурно-исторические, социально-философские, политологические основания исследования гражданского общества [1, с. 173- 183].

Обозначим важнейшие условия формирования и развития гражданского общества с учетом социально-философской парадигмы темы, зарубежного политико-правового опыта, экономических, политических, социокультурных процессов, происходящих в современной Украине. Сегодня совершенно очевидно, что наращивание темпов глобализации способствует все большей деформации фундирующих демократических принципов, а прозападная мифологизация демократии все чаще оборачивается ее демонизацией, отторжением демократической идеи у представителей других «не западных» культур с иным политико-правовым опытом и ментальностью.

В этой ситуации важно: а) обосновать актуальность философского исследования феномена гражданского общества именно как основы социальной политики; б) аргументировать необходимость совершенствования, консолидации демократии в условиях нарастания противоречивости, конфликтности развития современной цивилизации. Такая постановка проблемы актуальна относительно государств и с двухсотлетним опытом (западные демократии), и с минимальным опытом демократического правления (больше декларативного, чем реального).

При этом, подчеркивая социокультурную значимость ныне общепризнанных демократических принципов и институтов мы далеки от комплиментарности, идеализации демократии и вовсе не приемлем агрессивное навязывание существующих моделей буржуазных демократий. Ведь по прошествии тысячелетий, вполне адекватно мнению Н.Бердяева (Киевская философская школа), нельзя не признать «де факто»: у древних греков – родоначальников пусть «усеченной рабовладельческой», но демократии, было достаточно оснований для ее же критики, особо жесткой у Платона.

Конечно, такие авторитетные и очень разные мыслители 20 века как А. Ф. Лосев (Держание духа), К. Поппер (Открытое общество и его враги) и другие весьма убедительны в критике социальной (не демократической) утопии Платона. Но, как говорится, «устами младенца глаголет истина». В том смысле, что Платон – великий сын древнегреческой культуры – «колыбели европейской цивилизации», взрастившей «нормальных детей» (по определению К.Маркса), какими были древние греки.

Даже с высоты полета, на которой оказалась наша цивилизация, взнесенная вихрями социального и технического прогресса, нельзя игнорировать опыта прошлого, тем более, когда многие демократические режимы стали склонны к негативным трансформациям. Наряду с достижениями в экономике, в области гражданских прав и свобод, «налицо» и отрицательные последствия использования двойных стандартов, «черных» PR-технологий, манипуляций общественным сознанием в угоду какой-либо властной элиты. Используя прямую военную силу и политические спекуляции, замешанные на мифах о демократии, под лозунгами «демократических революций» мировая экономическая элита стремится реализовать концепцию «золотого миллиарда», удовлетворить свои глобальные аппетиты, в том числе за счет природных и людских ресурсов стран СНГ и в ущерб их национальным интересам.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в понимании проблемы формирования правового государства гражданского общества важно исходить из базисных принципов историко-правового, социально-философского, политологического методов анализа, включая исторический объективизм, научно аргументированный критицизм, опираясь на идеи глобальной гуманистики, социальной справедливости, верховенства права. Поэтому «ключом», ориентиром для дальнейших размышлений по заявленной теме могут служить актуальные наставления античных мыслителей.

Общеизвестно, что Платон предсказывал «гибель того государства где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью» и видел спасение и процветание лишь там, «где закон – владыка над правителями, а они – его рабы». Согласно Платону, этика и политика, индивидуальная добродетель и общественная справедливость неразрывно связаны между собой, а потому необходимо искать если не примирения, то их согласования. В понимании перспектив общественного развития еще лаконичнее Цицерон: «Или мы будем рабами закона, или рабами».

Сегодня на всех уровнях власть чаще всего игнорирует эти, не идеализируемые нами, но фундаментальные для правового государства и гражданского общества принципы, в угоду клановых амбиций, «во имя» сомнительных идей, ради личной «користи», а в итоге – в интересах международных «посредников». Жаждающие власти доморожденные политики готовы скомпрометировать важнейшие демократические постулаты, в том числе о верховенстве парламента, означающий, что издавать законы может только избранный народом представительный орган, а гарантом исполнения принятых законов является независимый суд

Но можно ли ожидать формирования правового государства в стране, где органы законодательной и судебной власти политически ангажированы, а потому голосуют за анти-правовые «законы», вынося решения, выходящие за все мыслимые границы правового поля?! Так решения Верховной Рады, Верховного Суда Украины о процедуре и результатах президентских выборов 2004 года – правовой нонсенс, не имеющий аналогов в мировой практике. Проигнорированы важнейшие демократические положения о выборах, прописанные в Конституции Украины. Неприемлемы для демократии (признаваемой автором, но только с учетом этико-философской гуманистической парадигмы социального развития) и способы давления на инакомыслящих, СМИ, предпринимаемые «власть придержащими».

В такой ситуации становится особенно ясным понимание того, что все уровни функционирования государства власти должны совершенствоваться адекватно понятию и сущности феномена «правовых законов» (И. Кант), национальным интересам, во благо народа, но не на потребу политических самозванцев, лукаво вуалирующих свои цели псевдо-демократической, псевдо-философской риторикой, категориями «справедливости», «веры», «гармонии».

Предполагается, что реализация модели правового государства когда открытое гражданское общество станет основой его (государства) социальной политики, будет способствовать устойчивости социально-экономического развития страны. Насколько это вероятно для Украины? Ведь гражданское общество очень многомерно, разнохарактерно, сложно структурировано, неоднозначно определяемо. При каких же качественных характеристиках и политико-правовых условиях возможно формирование, оптимальное функционирование правового государства и открытого гражданского общества?

В поисках ответа обратимся к общепризнанным фактам, подтверждающим, что становление философской теории гражданского общества неразрывно связано с развитием идеи правового государства. Итак, уже в античную эпоху возникает образ государства в котором право при поддержке власти становится властной силой, а публично-властная сила, упорядоченная и ограниченная правом, становится справедливой (Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон, др.). Вслед за античными мыслителями о принципах и формах конституций способных обеспечить оптимальное взаимодействие права и власти, с различных мировоззренческих позиций рассуждали мыслители новоевропейской культуры Г. Гроций, В. Спиноза, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Г. Джефферсон, др.; немецкой классической философии: И. Кант, Г. В. Гегель. Тема освещалась в немецкой юридической литературе первой трети 19 в. (К. Велькер, Р. фон Мольте, др.), ее развивали отечественные правоведы (Б. Н. Чигеринский, Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, Н. И. Палиенко, др.).

Обоснование Дж. Локком принципа свободы и наиболее открыто обоснованные Ш. Монтескье идеи свободы, гражданских прав, разделения властей – в основе современных западных демократий. Философско-этическое обоснование теории правового государства предложил И. Кант, считавший, что правовые законы и правовое государство – это обязанность, форма исполнения нравственного долга. Г. В. Гегель полагал: правовые законы – действительность, то есть практическое воплощение разума в определенных формах наличного бытия людей. В дальнейшем идея правового государства и открытого гражданского общества, исходя из обозначенных принципов, ставших уже классическими, интерпретировалась весьма разнообразно (М. Вебер, Г. Моска, В. Парето, К. Поппер, Т. Парсонс, др.).

Мы не ставим задачу детального исследования эволюции вопроса. Но опираясь на теоретическую базу, наработанную упомянутыми мыслителями, современными отечественными политологами, правоведом, философами (Л. С. Буланенко, И. И. Кальной, С. В. Кульчицкий, О. Э. Лейст, А. В. Малько, М. Н. Марченко, С. А. Матвеев, Н. И. Матузов, С. А. Михеев, О. Ф. Скакун, В. М. Сырых, др.) – обозначим фундирующие «должные» принципы формирования системы правового государства и гражданского общества: 1) господство закона во всех сферах гражданской жизни; 2) подчинение закону самого государства и его органов; 3) нерушимость свободы личности, ее прав и интересов, чести и достоинства, их охрана и гарантии; 4) взаимная ответственность государства и личности перед гражданами, гражданскими организациями, другими государствами, международным сообществом; 5) правовое государство должно определять правовые меры ответственности своих официальных представителей за деяния, которые они осуществляют от имени государства и его органов; 6) правовое государство должно располагать эффективными формами контроля и наблюдения за осуществлением законов и других нормативно-юридических актов.

Отсюда ясно, что социально-философское, философско-правовое понимание правового государства адекватно политологическому: правовое государство – это правовая форма организации и деятельности публично-политической власти и ее взаимоотношения с индивидами как субъектами права, носителями прав и свобод человека и гражданина, обеспечение которых – одна из главных целей правового государства. Права и свободы человека – это признание его правоспособности и правосубъективности.

Ныне исторически обусловленная мера индивидуальной свободы устанавливается только законом, а

ориентиром для этого выступает всеобщая Декларация прав человека, международные акты ООН. К. Маркс, критически анализируя права человека, отмечал, что они есть не что иное как права члена гражданского общества. Среди них К. Маркс, как и В. Гегель, особо выделяет право на индивидуальную свободу, подразумевая что «практическое применение права человека на свободу есть право на частную собственность» и делает вывод о том, что индивидуальная свобода, как и пользование ее, образует основу гражданского общества (К еврейскому вопросу, 1843).

В целом можно сказать, что вопрос о гражданском обществе был исторически поставлен как философский вопрос о наиболее разумном устройстве человеческого бытия, о новом этапе развития цивилизации, новом витке общественного процесса. Заметим также, что собственность и отказ государства от претензии на роль единственного «организатора и координатора» всех социальных связей – главный лейтмотив моделей и концепций правового государства гражданского общества.

Но возможно ли в условиях глобального кризиса резко ограничить функции государства за счет расширения полномочий гражданского общества? Следует ли искусственно форсировать этот процесс? Кому он выгоден? Ведь понятно, какие социально-экономические, политические конфликты продуцирует эго-прагматизм, потребительские и гедонистические устремления общества собственников. Думается, что сегодня особенно необходима «золотая середина» в отношениях государства и общества, государства и гражданина, общества и личности, в межпартийных и межгосударственных отношениях, в понимании демократических свобод.

Вслед за классиками признаем, что свобода относительна в смысле ее фактической незавершенности, исторического изменения и развития ее содержания, но она абсолютна как высшая ценность, как принцип, а потому может и должна служить критерием человеческого прогресса, в том числе в области государственно-правовых норм, общественных отношений, положения личности. И в этом контексте философия правового государства и гражданского общества освещает историю права, как историю очеловечивания людей, чего не скажешь об истории властных притязаний и способов их реализации какими-либо политическими деятелями, партиями, учениями, паразитирующими на демократии, спекулирующими на идее правового государства гражданского общества.

Соизмеряя указанные принципы системного взаимодействия правового государства и гражданского общества с современной политико-правовой ситуацией в Украине, прогнозировать формирование социально ориентированного правового государства здесь можно лишь в весьма отдаленной перспективе. Ибо властные силы, позиционирующие себя «демократами», на словах декларируют, но в действительности игнорируют основные принципы функционирования правового государства и интересы гражданского общества. Как показывает зарубежный опыт (например, Грузии) «площадные» заверения в верности демократическим принципам, даже произнесенные в антураже государственных регалий, вовсе не гарантируют главенства Закона, тем более, правовых законов и, тем более, в стране с укоренившимися традициями «кумовства».

Неужели нам нужен «сумрак законов», как жителям «города Глупова» (М. Е. Салтыков-Щедрин)? Общество «играет» в «демократию», забыв предостережения древних о тенденциях перерастания демократии в тиранию. Что же нас ждет впереди? Вероятностный характер развития истории не исключает пути демократизации общества, но также и того, что за «гидру революции» мы, очарованные оранжевым туманом, приняли еще более чудовищную трехглавую «гидру» охлократии, олигархии, тоталитаризма.

Незрелость гражданского общества в Украине, правовой нигилизм и цинизм власти, неразвитость экономики, социальная незащищенность населения – все это в сумме более предполагает диктатуру беззакония (осуществляемую под лозунгом «диктатуры закона»), за которой – либо анархия, либо культ личности со всеми вытекающими последствиями. Уравновесить этот негатив может новая оппозиция, отстаивающая приоритет «правовых законов» во власти и для народа.

В настоящее время в Украине, как и во многих других «молодых» и «старых» демократиях, все три ветви власти не выполняют в нужной мере возложенных на них функций. Более того, многие представители власти, под давлением обстоятельств из политически конъюнктурных соображений, сами системно попирают Закон, права человека. Тому свидетельство – анти-правовые условия процедуры голосования 26 декабря 2004 года для миллионов незащищенных категорий граждан Украины, что было признано Конституционным судом хотя и с нарочитым опозданием. Агрессивно демонстрируемое в национальных масштабах, отсутствие правовой культуры абсолютно противоречит идее правового государства и порождает среди приверженцев концепции «правового закона» пессимизм, ассоциирующийся с тем, что правовое государство и гармоничное, открытое гражданское общество – это мираж, некая иллюзия, вроде горизонта, который объективно недостижим.

Возможно ли в такой ситуации консолидировать общество и оптимизировать становление правового государства и гражданского общества в нашем обозримом будущем? Да, если «кратность» в шкале доходов «супер-собственников» и всех остальных собственников сократится до относительно социально безопасной (по мнению ведущих экономистов) отметки «7». Да, если здравомыслящей и законопослушной части общества хватит гражданского мужества последовательно отстаивать и проводить во власть идею приоритетности нравственности и закона. Тогда останется надежда, что ситуация может парадоксальным образом позитивно измениться.

В большей мере осознанно принципы правового государства, правовой культуры демократии в том

числе толерантность к оппозиции, уважают и реализуют сегодня те, кто не «захватывал» власть «любой ценой». Их справедливее было бы называть ядром будущего гражданского общества Украины. Становление гражданского общества требует качественной эволюции в духовной, нравственной, экономической, политической, культурной жизни страны, для чего необходимы время и ответственность. А «революционное» хамство для правового государства неприемлемо.

Современные исследователи сходятся в том, что становление правового государства – длительный исторический процесс, протекающий одновременно с формированием открытого гражданского общества, ибо правовое государство и гражданское общество не вводятся единовременным актом и не могут стать результатом чистого законодательства. Действительность подтверждает: ни власть, ни само право не могут реально гарантировать исполнения законов. Это доказал и весь ход «оранжевой революции».

Проблема в том, что правовое государство как утверждает большинство современных философов, теоретиков-обществоведов, правоведов возможно лишь при условии превращения подданного в гражданина, следующего требованиям закона не из-за страха быть наказанным за его нарушение, а из нравственных убеждений, чувства долга, ответственности, самодисциплины. В этом «романтическом» тезисе скрыто глубинное противоречие. Формально он близок программе воспитания гармонично развитого человека в социалистическом и коммунистическом обществе, где нет места частной собственности. Но ведь теория правового государства гражданского общества зиждется на феномене частной собственности, а это полная противоположность социализму и коммунизму.

Понятно, что в идеализирующей трактовке идеального человека, социума заложены тысячелетние мечты человечества о социальной справедливости, разумном общественном устройстве. Разрешимы ли указанные противоречия на практике? В поиске ответов будем придерживаться общепринятых, хотя и противоречивых установок теории правового государства гражданского общества. При этом, не вдаваясь в прогнозирование, все же признаем, что идея правового государства как социально-философская, философско-правовая теория и соответствующая практика организации политической власти и обеспечения прав и свобод человека – одно из существенных достижений исторического развития цивилизации.

Именно эта общечеловеческая ценность идеи правового государства должна определять современные установки, устремления, усилия по формированию и развитию правового государства гражданского общества в странах СНГ. Это связано как с решением указанных теоретических противоречий, так и с практическими трудностями внутреннего и внешнего происхождения в том числе с тем, что Запад использует внешние атрибуты демократии больше для расшатывания ситуации и нагнетания проблем, для ослабления государств, чем для их стабилизации и ускорения развития. Мотивы понятны: экономические, геополитические, идеологические интересы, крайний эгоизм и прагматизм западных собственников. В этом проявляется одно из глобальных противоречий развития мирового сообщества.

Что же необходимо сделать для формирования гражданского общества и практической реализации «должной» модели правового государства на благо народа Украины? Убеждены, что правовой нигилизм должен сменить **диктатура нравственности и правовых законов**, как бы парадоксально по форме не звучали эти словосочетания. Политический кризис в Украине еще раз доказал, что **юридические нормы не работают в безнравственном обществе**, что основой правопорядка в правовом государстве выступают не сами по себе законы, предписания, санкции, как бы юридически идеально они не формулировались. Сегодня стало особенно ясно, что требования господства законов и законности все же недостаточны для реализации концепции правового государства для этого **необходимо господство правовых законов и правовой законности**.

Как истолковать эти определения? Прежде всего, правовое государство и правовые законы – необходимые всеобщие формы выражения организации, упорядочения и защиты свободы в общественных отношениях, содержание и характер, широта и объем которой, ее субъективная и объективная структуры (субъекты и формы свободы), то есть ее количество и качество определяется доступным уровнем развития общества. Для нас несомненно то, что фундамент устойчивой модели правового государства – высокий уровень правовой культуры основанной на элементарной порядочности, нравственности, чувстве долга, которые являются главными принципами индивидуальной свободы.

Но наряду с индивидуальной свободой, правовое государство должно обеспечить и свободу объединений, уважение к оппозиции (которая сама неукоснительно должна уважать закон и мнение большинства), право на свободную критику, на свободные и прозрачные выборы. Выборная система должна совершенствоваться в целях достижения общественного согласия, благополучия народа, процветания государства а не перекраиваться «на ходу» в угоду какой-либо политической команды.

Ясно, что создание правового государства требует консолидации целенаправленных усилий и государства и рядового гражданина. А это проблематично для «новорожденного» в «оранжевой шелухе» социуме, для народа, вопреки его воле отчужденного от средств производства, культуры, вовлеченного в массовые художественно-политические шоу, «размягчающие мозги» (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Зрелое гражданское общество не позволило бы вернуться во власть тем, кто на десятилетие погрузил страну в эпоху экономического «беспредела», в эпоху «преступлений без наказания», тем, кто способствовал распространению чудовищных социальных язв (безработица, наркомания, проституция, обнищание, вымирание нации...). Наблюдаемая ныне политическая эйфория, каким бы психологически комфортным цветом она не поддерживалась, свидетельство, увы, незрелости гражданского общества,

особенно тех социальных групп, которые «ориентированы» на ложную – не правовую, не экономически оправданную, но ярко расцвеченную политизированную «шкалу ценностей».

Консолидация демократических сил «по плечу» только зрелому гражданскому обществу, в котором фундаментальные нравственные принципы будут определяющими. Но, согласно аргументации Н. Б. Оконской самое сложное в этом процессе – нравственное совершенствование человека, противоречивость природы-сущности которого возрастает до критической черты «саморазрушения», за ней – духовная, нравственная деградация общества. Это обусловлено глобальной капитализацией экономики, тотальной монетизацией общественного бытия, ужесточением конкуренции в социально-экономической политической сферах, экспансией массовой культуры [2, с. 63-84].

Исходя из обозначенных принципов, попытаемся так же критически осмыслить проблему на примере «Размышлений о гражданском обществе и консолидации демократии» Ф. Шмиттера – исследователя моделей перехода к демократии, создателя теории некорпоративизма институциональных аспектов современных политических систем. Какими же, по его мнению, должны быть уровень, дистрибуции, тип гражданского общества, способствующего консолидации, сохранению демократии и совершенствованию социальной политики государства? Насколько эти теоретические установки адекватны нашим отечественным реалиям, позитивны или негативны они относительно перспектив развития гражданского общества в Украине? Стоит ли слепо копировать чужой «демократический» опыт?

Одна из первых посылок Ф. Шмиттера подтверждается практикой: гражданское общество, содействуя консолидации демократии, не является ее непосредственной причиной, не может обеспечить существование уже возникших демократических институтов, норм. В демократическом процессе гражданское общество как совокупность (или система) «самоорганизующих медиаторных (посреднических) групп», относительно независимых как от органов государственной власти, так и от «внегосударственных единиц производства (фирм) и воспроизводства (семей)» – действует наряду с другими институтами, процессами, мотивациями [3, с. 16].

Профессор Стенфордского университета справедливо считает, что гражданское общество способно планировать и осуществлять коллективные акции по достижению, защите своих интересов. Но он не задается вопросом: какими методами возможно реализовывать эти устремления? Убеждены, что недопустимы методы «бархатных» революций и украинскую «Пору» нельзя представлять как «медиаторную группу». Понятно, что у себя Запад не потерпит подобной «демократической» угрозы национальной безопасности, но продуцирует «революции» в зонах своих интересов. Лидеры таких «революций» действуют, якобы, от имени гражданского общества, ненасильственными методами. Законопослушные граждане очень в этом сомневаются.

Необходима независимая от политической окраски правовая экспертиза подобных акций. Кстати, Ф. Шмиттер озабочен тем, чтобы «медиаторные группы» не стремились «...подменить собой ни государственные структуры, ни частных (вос)производителей или принять на себя функции по управлению политикой в целом» [3, с. 16].

В этом есть резон, тем более, если псевдо медиаторная организация типа «Пору» пытается исполнять силовые функции. В случаях с «должными» медиаторными группами, тезис обществоведа может означать неподконтрольность власти гражданскому обществу. Возникает новое противоречие, конфликт между гражданским обществом и властью. С одной стороны гражданское общество должно быть «согласно действовать в рамках уже сложившихся гражданских или правовых норм». Что на нынешнем витке отечественной истории весьма проблематично, хотя, конечно же, совершенно необходимо даже при условии, что эти нормы пока далеки от правовых по сути. С другой стороны это путь к «беспределу» власти, к ее узурпации.

В целом есть ощущение, что обозначенные американским политологом границы деятельности медиаторных групп, предполагают изолированность гражданского общества, минимализацию его функций, неподконтрольность ему власти, дальнейшее отчуждение народа от власти, собственности, культурных ценностей. А это не будет способствовать реализации ожиданий большинства нашего общества на экономическую и социальную стабильность.

Рассматриваемая концепция подразумевает, что гражданское общество не должно иметь никаких рычагов влияния на властные структуры, а будет выполнять функцию «выпускания пара» недовольства населения, что и нужно буржуазной власти, в какие бы либеральные одежды она ни рядилась и в какую бы «демократию» не играла. Итак, Ф. Шмиттер предполагает наличие четырех условий (критериев) для гражданского общества: 1) двойного рода автономии; 2) коллективного действия; 3) неузурпации чужих прерогатив; 4) гражданственности. По форме логично, по существу – спорно, хотя американский политолог подчеркивает, что юридическими нормами должны руководствоваться не только посреднические единицы внутри гражданского общества, но «их должны соблюдать и органы государственной власти, и частные (вос)производители» [3, с. 16].

Наивно надеяться нашим гражданам на то, что олигархические кланы, которые были, есть и будут во власти любого буржуазного государства, станут scrupulously следовать норме закона. Они уже показали всей нации: закон для них, «что дышло...» и заручились при этом поддержкой толпы «от народа» и «демократического» Запада. Кстати, Ф. Шмиттер недвусмысленно указывает на то, что власть и частные (вос)производители (уточним, как доморощенные так и зарубежные) склонны в своих интересах манипулировать медиаторными организациями и подобными структурами гражданского общества. Что и

произошло в Украине, когда в ходе выборов-2004 выяснилось, что самые разные фонды, общественные организации оказались «...лишь фасадом, прикрывающим деятельность социальных групп, стремящихся узурпировать власть легитимных государственных органов или «негражданскими» средствами осуществлять господство над другими социальными группами». Отсюда вывод: «медиаторные организации – необходимое но недостаточное свидетельство существования гражданского общества» [3, с. 17].

В свете этого становится еще понятнее «истинность» оценки успехов «нашеукраинцев» в деле «консолидации» демократии в Украине. Сам же политолог «консолидацию демократии» определяет как процесс, когда эпизодические соглашения, половинчатые нормы и случайные решения периода перехода от авторитаризма трансформируются в отношения сотрудничества и конкуренции прочно усвоенные, постоянно действующие и добровольно применяемые теми лицами и коллективами (то есть политиками и гражданами), которые участвуют в демократическом управлении. Можно считать, что в какой-то мере наше общество к этому процессу подключилось. Но что от этого следует ожидать?

Ф. Шмиттер абстрактно полагает, что «при консолидации демократического режима происходит институализация неопределенности некоторых ролей и областей политической жизни, но одновременно граждане получают уверенность, что борьба за государственные посты и/или влияние будет честной и не выйдет за пределы предсказуемого набора вариантов. Современная, представительная, политическая демократия покоится на такой «ограниченной неопределенности» и устном согласии акторов принимать порождаемые ею результаты» [3, с. 17].

У нас же случилось иначе, точнее: первая часть данного тезиса подтвердилась, судя по результатам «борьбы за демократию» «оранжевых», добившихся, ценой колоссальных экономических потерь в государственном бюджете, «ограниченной неопределенности» в деятельности правительства, экономических структур промышленности. А вот то, что касается уверенности наших граждан в честности и демократичности третьего тура выборов-2004 – остается под большим сомнением также и для многих международных наблюдателей, не приемлющих двойных стандартов.

Тем не менее, трудно отрицать аргументы Ф. Шмиттера относительно того, что «суть дилеммы консолидации связана с формированием институциональной структуры с которой могли бы согласиться политики и которую готовы поддержать граждане». Но сформировать такую институциональную структуру а тем более «добиться ее устойчивого разрешения, особенно в атмосфере завышенных ожиданий, которыми обычно характеризуется переходный период, весьма непросто». Поскольку, как справедливо замечает политолог, «существующие варианты решений сами по себе внутренне конфликтны». С одной стороны «каждая конкретная группа политиков отдает предпочтение тем нормам, которые обеспечат ей переизбрание или потенциальный доступ к власти, а всевозможные группы граждан хотели бы усиления ответственности своих «штатных» доверенных лиц» [3, с. 17].

С другой стороны доказывается, что «выбор того или иного варианта влечет за собой серьезные внешние последствия. Как только посредством механизмов электоральной неопределенности избранные нормы переносятся на уровень правительств, вырабатывающих политический курс государства они начинают влиять на темпы экономического роста, инвестиционную активность, конкурентоспособность страны на внешних рынках, распределение доходов и богатств, доступность образования, степень распространенности чувства культурной ущемленности, расовое равновесие и даже сказывается на национальной идентичности. В какой-то мере наличие такого рода проблем осознается акторами и учитывается при заключении компромиссов относительно демократических процедур» [3, с. 18].

Сопоставляя эти положения с отечественной социально-политической практикой, нельзя не признать, что многое сегодня подтверждается. Поэтому важно учесть следующее критическое замечание Ф. Шмиттера о том, что в процессе формирования гражданского общества как социальной основы политики государства «...места для ошибок и непредвиденных последствий остается более чем достаточно. В краткосрочном плане консолидация демократии зависит от способности политиков и граждан найти пути разрешения существующих между ними внутренних конфликтов по поводу норм; в плане же долгосрочном она зависит от того внешнего воздействия, которое, основанный на избранных нормах политический курс, будет оказывать на различные группы общества, подающего надежды стать гражданским» [3, с. 18].

Полагаем: критическое осмысление социально-политических реалий в контексте теории гражданского общества Филиппа Шмиттера, других политологов, социальных философов, правоведов – помогут нам в дальнейшем более рационально, прагматично анализировать и прогнозировать социально-политическую ситуацию в Украине в контексте социально-философской, философско-правовой проблематики теории правового государства и в связи с насущными практическими задачами развития и совершенствования демократии.

Станет ли гражданское общество основой социальной политики нашего государства? Это во многом зависит от соответствующего уровня правовой, гуманистической культуры каждого из нас. Тогда за псевдо-философской риторикой претендентов на власть, властной «элиты», имитирующей создание «идеального» демократического государства которым, якобы, тоже правят «философы» – «демос» скорее распознает истинные намерения местных политических авантюристов – ставленников «от мирового капитала».

И как бы кто не относился к учению о государстве Платона, либо к идее социализма, мы убеждены: ключевые понятия философии гражданского общества, правового государства – «индивидуальная добродетель» и «общественная справедливость», поэтому сегодня очень важно искать ответ на вопрос: каковы политико-правовые условия их гармонизации в современных социально-экономических реалиях?

Библиографический список

1. Денисова О.В. Проблема формирования политико-правовой культуры нации в свете теории гражданского общества / О. В. Денисова // Вестник СевГТУ. Вып. 52: Политология: Сб. науч. тр. — Севастополь 2004. — С. 173 – 183.
2. Оконская Н. Б. Биология человека и биология общества: коэволюция социального и биологического / Н. Б. Оконская // Основы метаантропологии. — М., 2004. — С. 63 – 84.
3. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Ф. Шмиттер // Полис. — 1996. — №5. — С. 16 – 27.

Поступила в редакцию 20.06.2005 г.